

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ В ЖУРНАЛЕ «ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ В ШКОЛЕ» ЗА 1946—1955 гг.

За время существования журнала «Преподавание истории в школе» древней истории на его страницах уделялось сравнительно мало внимания. За рассматриваемые нами годы в нем было помещено только 13 статей по истории Греции и Рима, причем в число это входят и статьи, помещенные в разделе методических указаний, представляющие собой лишь известные довольно незначительные дополнения к материалу учебника, данные с целью помочь учителю составить план урока и выделить то основное, на чем он должен сосредоточить внимание учащихся. Такое невнимание к древней истории тем более удивительно, что, судя по некоторым статьям и письмам учителей, напечатанным в том же журнале, вопросы, связанные с преподаванием древней истории, с которой начинается знакомство школьников с историей человечества, представляются преподавателям весьма насущными и актуальными. Так, в 1950 г. в журнале обсуждался вопрос, как в наиболее доступной форме преподавать детям в возрасте 12—13 лет представления об основных классах и особенностях классовой борьбы рабовладельческого общества; в 1954 г. — о формировании у школьников того же возраста понятия о возникновении государства и его классовой сущности, с которым они также впервые знакомятся на материале древней истории. В одной из таких статей, построенной на анализе сочинений по истории в V—VI классах, между прочим указывается, что, повидимому, учителя мало работают над выяснением специфических причин восстаний рабов и народных движений в разные периоды и не связывают их с общими политическими и экономическими условиями соответственного периода¹. Интересует преподавателей и вопрос, как использовать греческие мифы, как их интерпретировать и связать с теми памятниками античной культуры, которые вошли в общий фонд мировой культуры и с которыми так или иначе следует познакомить учеников². И в статьях, опубликованных в журнале, и на обсуждении учебников С. И. Ковалева и Ф. А. Коровкина преподаватели указывали, что к пониманию основных социально-экономических понятий учеников 11—12 лет можно подвести только на конкретном историческом материале, достаточно живо и наглядно изложенном.

Очевидно, статьи, публикуемые в журнале «Преподавание истории в школе», должны прийти в этом смысле на помощь учителю. Они должны ввести его в курс основных проблем древней истории, дать ему возможность конкретизировать изложенный в учебнике материал и, наконец, знакомить с новыми достижениями истории и археологии. Кстати, на последнюю задачу журнал откликнулся только одной статьей: Т. А. Жданко «Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР» (1949, № 3, стр. 77—81).

Повидимому, в какой-то мере такой план предусматривался редакцией, но выполнялся он явно недостаточно. В журнале помещено несколько статей по общетеоре-

¹ Статья А. З. Редько, 1950, № 4, стр. 62 и 63.

² Статья Житомирской, 1952, № 5, стр. 52 сл.

тическим вопросам древней истории и по некоторым ее узловым проблемам. Это статьи М. Н. Меймана «Экономические основы рабовладельческого общества» (1950, № 1, стр. 32—46) и «Общественное разделение труда и торговля в античном рабовладельческом обществе» (1952, № 3); статьи А. Г. Бокшанина «К вопросу о проблеме падения античной рабовладельческой формации» (1952, № 5, стр. 22—35) и «К вопросу о происхождении государства и формах классовой борьбы в древней Аттике VIII — VI вв. до н. э.» (1952, № 3, стр. 95—99); статья Я. А. Ленцмана «Как возникло христианство» (1950, № 3, стр. 16—27).

К этой же категории примыкают статьи Н. Н. Пикуса «Древнейший период истории Греции» (1952, № 5, стр. 36—52), «Греция под властью Македонии» (1953, № 2, стр. 59—68) и «Характерные черты истории спартанского общества и государства IX—IV вв. до н. э.» (1953, № 5, стр. 51—65); статьи А. Г. Бокшанина «Попытки аграрных реформ и социальная борьба в Римской республике в конце II в. до н. э.» (1954, № 3, стр. 34—46) и А. И. Немировского «Социальная борьба в Риме в 90—80 гг. до н. э. Диктатура Суллы» (1954, № 5, стр. 37—47). Только две статьи О. В. Филипповой — «Афинский акрополь» (1953, № 2, стр. 100—105) и «Помпеи — город муз» (1954, № 3, стр. 63—72) — ставят своей целью дать конкретный материал о культуре и быте античного мира, и всего лишь одна статья В. С. Соколова «Тит Лукреций Кар — величайший поэт и ученый древности» (1946, № 2, стр. 17—21) посвящена деятелю античной культуры.

Уже самый перечень статей показывает, что тематика их в значительной мере случайна и не подчинена какому-либо определенному плану. Удивляет отсутствие работ по истории падения республики и периоду правления Августа, хотя выход в свет монографий Н. А. Машкина «Принципат Августа» и С. Л. Утченко «Идейно-политическая борьба в конце республики» знаменует собой новые достижения советской исторической науки в изучении этого важнейшего периода, с которыми следовало бы познакомить преподавателей. Нет статей по истории Римской империи и римских провинций, хотя не подлежит сомнению, что без знакомства, хотя бы в самых общих чертах, с тем новым, что сделано в этой области, особенно в области изучения римских провинций, нельзя излагать и историю последнего периода существования и падения рабовладельческого способа производства, нельзя выделить и охарактеризовать особенности классовой борьбы на различных этапах его существования, на необходимости чего, как мы видели, настаивает вышеупомянутая статья А. З. Редько. Совершенно в тени остается период эллинизма, никакого отзвука на страницах журнала не нашла дискуссия о проблеме эллинизма. Еще более досадным представляется отсутствие работ, посвященных Парфии, для изучения которой так много сделали советские ученые. Парфии сравнительно бегло касается И. Н. Бороздин в статье «Древний Туркменистан» (1948, № 3, стр. 47—59), лишь в связи с общим очерком истории Средней Азии. Между тем, если история и социальный строй Парфии по каким-то неясным причинам и не вошли в программу и учебники по древней истории, обойти ее существование полным молчанием невозможно хотя бы потому, что в тех же учебниках она неоднократно появляется как соперница Рима, и естественно предположить, что любознательный ученик может задаться вопросом, что же представляла собой держава, победоносно воевавшая с Римской империей. По тем же причинам следовало бы уделить внимание и другим ее соперникам и победителям — племенам и народам средней и восточной Европы, о которых по программе школьники узнают лишь в разделе по истории средних веков. Может быть, составители программы и учебников, не желая перегружать школьников, поступили правильно, исключив все эти моменты, но журнал, издаваемый в помощь учителю, не должен их игнорировать. Повидимому, редакция его недостаточно серьезно продумала план своей работы в области древней истории.

На ее несколько странное отношение к этому разделу, между прочим, указывает маленький, но характерный штрих: в передовой к № 5 за 1946 г. говорится, что некоторые учителя поступают неправильно, модернизируя древнюю историю и сопоставляя события современности с событиями древности. В пример приводится

проведенная в одной школе конференция на тему о выдающихся женщинах в мировой истории, где самые различные деятельницы древности и современности ставятся на одну доску. Упоминается здесь и мать Гракхов Корнелия, которая названа в статье Корнелия Гракх, хотя в Риме женщины никогда не принимали имени рода или семьи своих мужей. Но редакция даже не сочла нужным выправить этот режущий глаз ляпсус.

В этом смысле показательна и статья В. С. Соколова о Лукреции, появившаяся в связи с 2000-летним юбилеем поэта. В начале статьи автор доказывает, что для историка знакомство с художественной литературой эпохи не менее обязательно, чем знакомство с историческими источниками в собственном смысле. Повидимому, этот самоочевидный факт представляется редакции сомнительным. И действительно, сочтя необходимым откликнуться на такое отмечавшееся всей нашей научной общественностью событие, как юбилей Лукреция, редакция, как мы видели, с тех пор не поместила больше ни одной статьи о деятелях греческой и римской культуры, хотя именно с культурным наследием античности следует познакомить школьников, которые постоянно будут сталкиваться с ним, знакомясь как с произведениями классиков русской и мировой литературы, так и с произведениями классиков марксизма.

В. С. Соколов дает довольно полное изложение поэмы Лукреция и останавливается на ее значении для мировой науки и развития материалистических идей. В этой части его статья никаких возражений не вызывает. Но характеристика эпохи, в которую жил Лукреций, явно неудовлетворительна. По мнению В. С. Соколова, основными противниками тогда были оптиматы из аристократических и патрицианских родов и представители денежной и торговой «буржуазии» того времени — публиканы-всадники. Их соперничество, говорит автор, пробуждало более широкие слои, которые осознавали свои классовые интересы и выдвигали свои требования раздела земли, кассации долгов и т. п. Взгляд этот совершенно расходится с общепринятой в советской историографии оценкой гражданских войн в последние века республики. Не говоря уже о неприемлемости термина «буржуазия» в применении к древности, неприемлемо и самое положение о борьбе всадников и нобилитета как основном содержании гражданских войн и о массах мелких землевладельцев, плебса, рабов, которые лишь пассивно следовали за всадниками. Вопрос этот достаточно известен, чтобы не останавливаться на нем подробно, но странно, что редакция журнала не сочла нужным указать автору на его ошибку. Неубедителен и конец статьи. В. С. Соколов объявляет Лукреция «крайним демократом» и пишет, что Лукреций близок нам именно как таковой. Между тем во всей поэме Лукреция нельзя обнаружить ни одной строчки, которая подтверждала бы такое мнение, да и вообще давала бы нам возможность с уверенностью заключить что-либо о политических симпатиях и антипатиях Лукреция. Повидимому, Лукреций представлен демократом с целью привлечь к нему симпатии читателей и поднять его во мнении учителей и учеников. Такая примитивизация вообще наблюдается в работах авторов, пишущих для детей. Так, например, в учебнике Ф. А. Коровкина, очевидно с целью охарактеризовать Цезаря с наихудшей стороны, говорится, что он сидел «на золотом кресле», хотя у Аппиана, послужившего источником автору, сказано лишь, что курульное кресло Цезаря, как и у всех курульных магистратов, было из слоновой кости и лишь было отделано золотом. Думается, что такой способ воздействия на эмоции школьников вряд ли приемлем. Научить их уважать заслуги Лукреция можно, и не зачисляя его произвольно в ряды демократов, так же как можно и должно вскрыть перед ними классовую природу диктатуры Цезаря, не сажая его на золотое кресло. Редакция журнала «Преподавание истории в школе» следует активно бороться с такой вульгаризацией и подавать в этом смысле пример другим издательствам, обслуживающим нужды преподавателей и детей.

Примеры известной примитивизации имеются и в статьях Н. Н. Пикуса «Древнегреческий период истории Греции» и «Греция под властью Македонии», помещенных в историческом отделе и содержащих, в основном, советы учителям, как построить уроки, посвященные этим темам. Слишком непосредственно приводится в связь идеология с интересами и нуждами рабовладельческого класса. Автор советует учителям

подчеркивать, что, согласно греческой религии, считалось, будто боги создали рабовладельческий строй, хотя ничего подобного мы в источниках не находим, да и сложились основные мифы и представления о богах в период, когда рабовладельческий способ производства в Греции только начинал формироваться. Неизвестно также, на каком основании автор предлагает толковать миф о Прометее таким образом, что Прометей, в котором он видит представителя трудящихся, не может, по греческой мифологии освободиться, так как в то время трудящиеся не могли еще победить. Толкование это тем более натянуто, что, как известно, Прометей был освобожден Гераклом. В заключение статьи автор снова подчеркивает, что учитель должен показывать примитивность греческой идеологии, обслуживавшей рабовладельцев.

Что в классовом обществе господствующий класс старается и идеологически подчинить себе класс эксплуатируемый — далеко не ново. Но стоит ли сводить к утверждению этой мысли все значение греческой культуры, создания которой во многом, по словам Маркса, «в известном смысле сохраняют значение нормы и недостижимого образца». Не более ли ценно было бы, следуя положениям Маркса и Энгельса, показать, как греческая мифология, которую Маркс называет, кстати сказать, «природой и общественными формами, получившими бессознательную художественную обработку в народной фантазии», а отнюдь не в фантазии рабовладельцев, послужила основой для создания этих «недостижимых образцов». Не этим ли путем можно развить в детях настоящее уважение к народам, показав их творцами исторического прогресса и культуры, а не простаками, обманутыми ловкими правителями и пройдохами-жрецами?

Так же примитивно предлагает Н. Н. Пикус во второй из названных статей освещать деятельность Демосфена и его борьбу с македонской партией. По его мнению, главным является то обстоятельство, что Демосфен был богатым рабовладельцем и принадлежал к рабовладельцам, надеявшимся справиться с движением бедноты без помощи Филиппа Македонского. То обстоятельство, что и широкие слои населения были против македонского господства и впоследствии от него страдали, не учитывается. Говоря о македонской партии, автор сравнивает ее с теми прослойками современной нам буржуазии, которые готовы предать независимость своей родины. Но если он желает быть в этой аналогии последовательным, то он не может не признать известных заслуг Демосфена, противопоставившего такому предательству. Тенденция красить всех исторических деятелей прошлых времен в одну черную краску — она, между прочим, сказалась и в статье Н. Н. Пикуса о Спарте, в которой он развенчивает поведение отряда Леонида у Фермопил, — весьма близка к тенденциям, преобладавшим в истории и истории культуры в период «покровщины», когда в Александре Невском и Дмитрии Донском видели в первую очередь князей, а в Пушкине в первую очередь помещика средней руки. Мы, конечно, далеки от мысли, что деятелей истории и культуры древности следует идеализировать, замазывая сущность их политики и отказываясь от исследования вопроса, чьи интересы они отражали и какие классы и социальные группы представляли. Но вряд ли такому анализу может помочь упорное повторение той истины, что они прямо или косвенно принадлежали к классу рабовладельцев, и вряд ли это поможет школьникам составить себе о них какое-либо представление и пробудить в них интерес к истории.

Недостатком многих статей является отсутствие в них чего-либо нового, отличающего их от соответствующих глав общих курсов. Открывая статьи Н. Н. Пикуса о ранней Греции и о характерных чертах истории спартанского общества и государства в IX—IV вв., статью А. Г. Бокшанина о возникновении государства и классовой борьбе в Атике в VIII—VI вв., естественно ожидать встретить там материалы о новых раскопках и исследованиях, связанных с этими темами.

Между тем, говоря об уроке, посвященном крито-микенской культуре, Н. Н. Пикус советует только указать детям на трудности, с которыми в своей работе сталкивался Шлиман, и противопоставить им условия работы советских археологов. Момент, конечно, интересный, но ведь им не исчерпывается материал, и не на раскопках Шлимана заканчивается история изучения крито-микенской культуры. Об огромных новых

подчеркивать, что, согласно греческой религии, считалось, будто боги создали рабовладельческий строй, хотя ничего подобного мы в источниках не находим, да и сложились основные мифы и представления о богах в период, когда рабовладельческий способ производства в Греции только начинал формироваться. Неизвестно также, на каком основании автор предлагает толковать миф о Прометее таким образом, что Прометей, в котором он видит представителя трудящихся, не может, по греческой мифологии освободиться, так как в то время трудящиеся не могли еще победить. Толкование это тем более натянуто, что, как известно, Прометей был освобожден Гераклом. В заключение статьи автор снова подчеркивает, что учитель должен показывать примитивность греческой идеологии, обслуживавшей рабовладельцев.

Что в классовом обществе господствующий класс старается и идеологически подчинить себе класс эксплуатируемый — далеко не ново. Но стоит ли сводить к утверждению этой мысли все значение греческой культуры, создания которой во многом, по словам Маркса, «в известном смысле сохраняют значение нормы и недостижимого образца». Не более ли ценно было бы, следуя положениям Маркса и Энгельса, показать, как греческая мифология, которую Маркс называет, кстати сказать, «природой и общественными формами, получившими бессознательную художественную обработку в народной фантазии», а отнюдь не в фантазии рабовладельцев, послужила основой для создания этих «недостижимых образов». Не этим ли путем можно развить в детях настоящее уважение к народам, показав их творцами исторического прогресса и культуры, а не простаками, обманутыми ловкими правителями и пройдохами-жрецами?

Так же примитивно предлагает Н. Н. Пикус во второй из названных статей освещать деятельность Демосфена и его борьбу с македонской партией. По его мнению, главным является то обстоятельство, что Демосфен был богатым рабовладельцем и принадлежал к рабовладельцам, надеявшимся справиться с движением бедноты без помощи Филиппа Македонского. То обстоятельство, что и широкие слои населения были против македонского господства и впоследствии от него страдали, не учитывается. Говоря о македонской партии, автор сравнивает ее с теми прослойками современной нам буржуазии, которые готовы предать независимость своей родины. Но если он желает быть в этой аналогии последовательным, то он не может не признать известных заслуг Демосфена, противившегося такому предательству. Тенденция красить всех исторических деятелей прошлых времен в одну черную краску — она, между прочим, сказалась и в статье Н. Н. Пикуса о Спарте, в которой он развенчивает поведение отряда Леонида у Фермопил, — весьма близка к тенденциям, преобладавшим в истории и истории культуры в период «покровщины», когда в Александре Невском и Дмитрии Донском видели в первую очередь князей, а в Пушкине в первую очередь помещика средней руки. Мы, конечно, далеки от мысли, что деятелей истории и культуры древности следует идеализировать, замазывая сущность их политики и отказываясь от исследования вопроса, чьи интересы они отражали и какие классы и социальные группы представляли. Но вряд ли такому анализу может помочь упорное повторение той истины, что они прямо или косвенно принадлежали к классу рабовладельцев, и вряд ли это поможет школьникам составить себе о них какое-либо представление и пробудить в них интерес к истории.

Недостатком многих статей является отсутствие в них чего-либо нового, отличающего их от соответствующих глав общих курсов. Открывая статьи Н. Н. Пикуса о ранней Греции и о характерных чертах истории спартанского общества и государства в IX—IV вв., статью А. Г. Бокшанина о возникновении государства и классовой борьбе в Атике в VIII—VI вв., естественно ожидать там материалы о новых раскопках и исследованиях, связанных с этими темами.

Между тем, говоря об уроке, посвященном крито-микенской культуре, Н. Н. Пикус советует только указать детям на трудности, с которыми в своей работе сталкивался Шлиман, и противопоставить им условия работы советских археологов. Момент, конечно, интересный, но ведь им не исчерпывается материал, и не на раскопках Шлимана заканчивается история изучения крито-микенской культуры. Об огромных новых

достижениях последних лет в этой области преподаватель не информируется, а это было бы тем более необходимо, что соответственные данные находятся в изданиях, трудно доступных для многих, особенно периферийных преподавателей. Не использованы новые археологические данные и в статье о Спарте, хотя они позволили бы пересмотреть даваемое Н. Н. Пикусом представление об этой области как о чем-то, лишенном какого бы то ни было исторического прогресса вплоть до IV в. Автор считает, что с самого переселения дорян на Пелопоннес и вплоть до начала IV в. строй Спарты оставался примитивным, отсталым и неизменным, так как такая примитивность искусственно консервировалась правящим классом для сохранения господства над илотами. Между тем, повидимому, для более раннего периода истории Спарты дело обстоит иначе, ее экономическая и культурная отсталость от других, более развитых государств Греции может быть установлена лишь для более позднего времени. Н. Н. Пикус, доказывая, что спартавцы всегда были полуграмотными невеждами, даже не упоминает имени Тиртея и не объясняет, каким образом этот поэт мог появиться среди таких «дикарей». Сомнительно и его положение о постоянной совершенной изоляции Спарты, которая будто бы и позволила ей сохраниться в неизменном виде вплоть до конца Пелопоннесской войны, когда Спарта вышла из своей изоляции и от соприкосновения с внешним миром быстро разложилась и погибла. Постоянное активное участие Спарты во всех прежних событиях греческой истории делает это утверждение мало понятным.

В вышеназванной статье А. Г. Бокшанина также не дано никакого свежего материала. Изложение ведется, в основном, по Энгельсу, без существенных дополнений. Не учтены ни археологические и эпиграфические материалы, ни новые статьи (например, Я. А. Ленцмана), посвященные данным о рабстве в древнейший период истории Греции. Это приводит автора к некоторому противоречию. Говоря о реформах Солона, Писистрата, Клисфена, он характеризует их как ставленников торгово-рабовладельческой знати, одержавшей победу над старой аристократией. Но о степени и ходе развития рабства автор не говорит даже предположительно. Остается неясным, почему победительницей и вообще главной силой он считает торгово-рабовладельческую знать, а, например, не свободных мелких землевладельцев, составлявших большинство граждан. Кстати, говоря о замене родо-племенной системы полисом, автор не поясняет, что собой представлял античный полис, хотя в зависимости от того, какое содержание вкладывается в это понятие, понимается и сущность античной рабовладельческой демократии, и кризис ее, и еще многое другое. Чтобы помочь учителю разобраться в истории возникновения рабовладельческого государства в Греции и сопровождающей этот процесс борьбе, необходимо было дать представление о полисе, проиллюстрировав основные положения классиков марксизма по этому вопросу конкретными примерами из источников.

Более удачны статьи по истории Рима. И статья А. Г. Бокшанина о Гракхах, и статья А. И. Немировского о диктатуре Суллы содержат большой фактический материал, который может служить полезным добавлением к соответственным главам учебника. В статье А. Г. Бокшанина четко дана характеристика положения римского государства в начале движения Гракхов, а также программы самих Гракхов, которых автор совершенно справедливо рисует не как революционеров, а как представителей тех слоев господствующего класса, которые были наиболее дальновидны и наиболее широко понимали свои классовые интересы. Интересна мысль автора, что главной целью Гая Гракха было дарование гражданских прав италикам, чтобы тем самым увеличить число боеспособных граждан-землевладельцев. Несколько спорным представляется только утверждение А. Г. Бокшанина, что в середине II в. до н. э. преобладающим стало рабовладельческое плантационное хозяйство. Данные источников позволяют предполагать, что в крупных латифундиях велось или экстенсивное скотоводство, в котором эксплуатировался труд рабов-пастухов, или земли обрабатывались клиентами, должниками и тому подобными зависимыми от владельца людьми, сидевшими на отведенных им маленьких участках. Чисто же рабовладельческое хозяйство велось в относительно небольших виллах,

типа виллы Катона. Даже в Сицилии, судя по приводимым Цицероном в речах против Верреса цифровым данным о количестве землевладельцев на территориях отдельных городов, крупные плантации вряд ли могли быть преобладающими. Именно экономическая отсталость латифундий периода республики по сравнению с рабовладельческими виллами средней величины была одной из причин того, что республика нобилей, в которой консервировалось крупное землевладение и в Италии и в провинциях, стала тормозом и для дальнейшего экономического развития областей, входивших в состав римского государства.

Если рассматривать вопрос в этом плане, спорной окажется и высказанная в статье А. И. Немировского мысль, что диктатура Суллы была явлением того же порядка, что диктатура Цезаря и принципат Августа. Мысль эта не новая, и многие исследователи ее высказывали. Но ей противоречит то обстоятельство, что проскрипции Суллы и наделение земель ветеранов осуществлялись главным образом за счет италийских городов и не только не подорвали крупное землевладение, бывшее основой власти сенатской олигархии, но еще способствовали, в конечном счете, укреплению его позиций. С этим связано и быстрое разорение сулланских ветеранов. Политика же триумвиров нанесла тяжелый удар экономическому могуществу крупных собственников и способствовала победе средних муниципальных рабовладельцев и землевладельцев, среди которых наделенные землей ветераны надолго заняли почетное место. В этом заключается глубокое различие между Суллой, который действовал в интересах римского нобилитета, и Цезарем и Августом, представлявшими класс рабовладельцев Средиземноморья в целом.

Ряд интересных положений дан в статье А. Г. Бокщанина «К вопросу о проблеме падения античной рабовладельческой формации» (1952, № 5, стр. 22—35). Статья эта вводит читателя в курс одной из наиболее важных и дискуссионных проблем древней истории. Следует только пожалеть, что автор, давая краткий обзор истории трактовки этой проблемы в СССР, не показал именно ее дискуссионность и не остановился на различных точках зрения по этому вопросу, существующих в настоящее время, хотя бы среди советских историков. В этой статье А. Г. Бокщанин формулирует положение, что историки древности должны определить, когда и какие кризисы способствовали установлению и развитию рабовладельческих отношений, а какие знаменовали их кризис и разрушение. Таким образом, он выступает против той долго преобладавшей в нашей историографии и сейчас еще не вполне изжитой концепции, согласно которой кризис рабовладельческого способа производства начинался со II, а то и с V в. до н. э. и тянулся до падения Западной Римской империи, сменяясь лишь временными периодами «стабилизации». Автор также совершенно справедливо подчеркивает значение того факта, что ко времени завоевания Римом эллинистических государств рабовладельческие отношения там уже в большей или меньшей степени себя изжили и римское господство, искусственно консервируя их, играло там реакционную роль. Менее убедительно его утверждение, что для Запада, где римское завоевание способствовало ускоренному разложению первобытно-общинного строя и развитию рабства, оно было прогрессивно.

Ведь нельзя забывать, что народы, не вошедшие в состав империи, — германцы, славяне, сарматы, арабы — ко времени крушения рабовладельческого способа производства в Римской империи, миновав ступень развитого рабовладения, перешли к феодализму. Даже те народы, которые, войдя в состав империи, долго сохраняли более или менее значительные пережитки первобытно-общинного строя, оказались с началом кризиса рабовладельческого способа производства на более высоком уровне развития, чем задетые им части империи, что, в частности, объясняет их роль в армии последних веков существования Рима. Хорошо показано в статье, что такие внешние факторы, как сокращение притока рабов-военнопленных, войны, эпидемии и т. п. играли в кризисе рабовладения лишь второстепенную роль. Справедлива и мысль, что крушение империи во многом было вызвано неспособностью государственного аппарата рабовладельческого общества выполнять функцию подавления масс в интере-

сах крупных собственников. Это вполне подтверждается всей историей западных провинций в период Поздней империи, когда местные магнаты и их ставленники — провинциальные «узурпаторы» вступали в союз с варварскими племенными вождями, которые, утвердившись в провинциях, помогали им подавлять народные движения. Трудно согласиться с предположением А. Г. Бокщанина, что кризис III века был вызван столкновением армии и администрации из-за финансовых затруднений. Источники этого не подтверждают. Представляется странным, что А. Г. Бокщанин не попытался более тесно увязать события III века с общим кризисом рабовладельческого способа производства. Сомнительной представляется и попытка автора объяснить кризис истощением почвы, наступившим будто бы из-за того, что, так как рабы трудились под постоянным надзором, можно было разводить лишь такие культуры, которые требовали концентрации рабов под присмотром одного-двух надсмотрщиков. Производство же одних и тех же культур истощало почву. Это положение также не подтверждается источниками, которые, напротив, говорят об очень большом разнообразии культур в хозяйстве италийских и провинциальных рабовладельцев. Досадна допущенная на стр. 32 опечатка — «богатейшие землевладельцы становились царьками в своих патрониниях», очевидно вместо имений или латифундий.

Одному из узловых вопросов древней истории посвящена и статья Я. А. Ленцмана «Как возникло христианство» (1950, № 3, стр. 16—27). Автор строит свою статью в соответствии с посвященными раннему христианству работами Энгельса и старается тесно увязать историю возникновения и распространения христианства с развитием кризиса рабовладельческого способа производства. Вызывают сомнения только два момента. Я. А. Ленцман пишет, что с усилением епископата в христианских общинах меняется социальная база христианства, к нему приходят богатые, захватывающие руководящие посты в церкви. На деле зависимость, повидимому, была обратная: с развитием кризиса имущие слои, задетые им, начинают обращаться к христианству, меняется социальный состав общин, и это ведет к усилению епископской власти и укреплению церковной организации. Другой момент — игнорирование автором прогрессивности раннего христианства как идеологии трудящихся, бывшей протестом против идеологии рабовладельческого общества. Стараясь показать, что христианство отвлекало трудящихся от активной борьбы, автор на первый план выдвигает те черты христианства, которые могли сделать его впоследствии орудием господствующих классов для идеологического подчинения масс. Недостаточно учтены те черты раннего христианства, которые характеризуют его как идеологию широких масс и угнетенных. Нельзя также недоучитывать то обстоятельство, что и позже христианство было идеологией таких ярых противников римского гнета и власти богатых и знатных, как Коммодиан, и таких борцов с этой властью, как агонистики. С этим моментом связана и спорность оценки христианства как оплота рабовладельческого государства, каковым оно будто бы становится со временем Константина. Даже не вдаваясь в вопрос о социальной базе империи Константина, нельзя не отметить, что такая оценка делает непонятным, каким образом идеология, возникающая как продукт разложения античного мира и ставшая господствующей идеологией сменившей его новой, более прогрессивной формации, могла играть роль фактора, консервирующего рабовладельческий строй и рабовладельческое государство. Такой исторический феномен или должен быть достаточно убедительно объяснен, или надо отказаться от этого, ставшего обычным, представления о значении христианства в Поздней империи и заново пересмотреть всю эту проблему. Следовало также учесть новые материалы папирусов о гностицизме и мессианистских предпосылках христианства.

Публикация статей по общим проблемам древней истории безусловно необходима, но вряд ли целесообразно печатать статьи, которые при кратком объеме пытаются проанализировать весь материал истории древнего мира и в результате могут только дезориентировать читателя. Такова статья М. Н. Меймана «Экономические основы рабовладельческого общества», построенная более на подборе цитат из классиков марксизма, чем на анализе конкретных особенностей различных периодов развития рабовладельческого способа производства.

Автор исходит, во-первых, из предпосылки, что пополнение рабов могло идти только за счет войн, так как рабы не имели семьи и число их естественным размножением не пополнялось. Мысль широко распространенная, но не подтверждающаяся данными источников, а напротив, ими опровергаемая. Действительно, войны давали большое количество рабов. Но периоды таких колоссальных захватов рабов, какие происходили в последние века существования римской республики, были не столь многочисленны в истории древности и нельзя только их и иметь в виду при попытках вскрыть основные экономические законы рабовладельческого строя. Это столь же неправомерно, как было бы неправомерно анализировать экономические законы капитализма, исходя главным образом из фактов, относящихся к периоду первоначального накопления и первому периоду истории капитализма. То, что рабы не имели законной семьи, не значит, что они не имели потомства. Для времени империи показательно огромное количество надписей с упоминанием *vernae*, а также надписи и юридические источники, упоминающие лиц, на обязанности которых лежало воспитывать детей рабов. Для периода республики мы знаем, что Красс — и, вероятно, он не был единственным — специально воспитывал и обучал детей рабов на продажу. *Vernae* были и у Аттика. Плавт говорит о рабах, отцы и деды которых были рабами. Он же, описывая сцену свадьбы раба, пишет, что хотя для римлян неприлично видеть раба, вступающего в брак, для Греции, где происходит дело, это вещь обычная. Где же тот период времени, когда рабы не имели потомства, если о потомстве рабов известно для III и для I века до н. э. Может быть, II век до н. э.? Но для этого времени мы имеем свидетельство Аппиана о том, что замена свободных землевладельцев рабами в значительной мере произошла потому, что крестьяне уходили на войну и погибали, не оставив потомства, тогда как рабы оставались дома и быстро размножались. Далее, совершенно непонятно, как же могли развиваться рабовладельческие отношения в Сирии, Малой Азии и тому подобных областях, бывших основными поставщиками рабов в Италию и в западные провинции империи, если предположить, что рабство развивается лишь благодаря поступлению рабов извне. Такие утверждения могут только запутать читателя.

Еще более путано второе положение автора, что основным противоречием рабовладельческого общества было противоречие между крупной рабовладельческой собственностью и индивидуальным характером процесса производства и что оно проявлялось в антагонизме между рабами и рабовладельцами и между мелкими и крупными собственниками. Это механическое перенесение, с обратным знаком, основного противоречия капитализма в рабовладельческое общество ничем не мотивируется, кроме утверждения автора, что в хозяйстве рабовладельцев не было простой кооперации, но и это утверждение спорно и не доказано. Совершенно неправомерно объединяются здесь в одну группу рабы и свободные мелкие собственники; никак не учитывается различие в формах рабовладельческой собственности, не дается анализ ее эволюции и характеристика наиболее развитой ее формы. Повидимому, для автора не существует разницы между латифундиями нобилей времен конца республики, рабовладельческой виллой I—II вв. н. э. и сальтусами земельных магнатов конца империи, не говоря уже о формах, распространенных на древнем и эллинистическом Востоке. Чем же такая статья может помочь преподавателю, который хочет показать учащимся конкретные особенности различных периодов существования рабовладельческого строя?

Несколько особняком стоят две упоминавшиеся выше статьи О. В. Филипповой об афинском акрополе и о раскопках Помпей. Они дают преподавателям живой материал о культуре и быте, который может помочь им оживить уроки. Следовало бы только в статье о Помпеях охарактеризовать систему муниципального управления и показать самый характер города времен империи со всеми его особенностями и его отличие от городов эпохи феодализма и капитализма. Автор упоминает лишь помпеянские надписи, относящиеся к выборам магистратов, и пишет, что они показывают городское самоуправление как метод угнетения неимущих. Без дальнейших пояснений такое утверждение повисает в воздухе, так как самые надписи никакого под-

тверждающего его материала не содержат. Упомянув о раскопках вилл близ Помпей, автор не дает никаких подробностей о них, хотя именно описание рабовладельческой виллы могло бы дать для понимания рабовладельческого способа производства больше, чем любые абстрактные социологические рассуждения.

Все же, несмотря на эти недочеты, следует пожелать, чтобы в журнале появилось больше аналогичных статей, не только компилятивных, но и исследовательского характера, так как раздел истории, обычно условно именуемый «древностями», у нас находится в совершенном и незаслуженном пренебрежении. Журнал, предназначенный для преподавателей, которым особенно важно представлять себе и уметь передать ученикам своеобразие и конкретные особенности того или иного периода, мог бы проявить инициативу в оживлении интереса историков к этому разделу.

К сожалению, тематический план на 1955 г., опубликованный в № 6 за 1954 г., предусматривает только две такие темы: о военном деле в Риме и о технике в рабовладельческом обществе.

Представляется, что весьма полезной была бы публикация статей, освещающих положение и жизнь непосредственных производителей — рабов, отпущенников, крестьян, колонов, ремесленников, материалом для чего, между прочим, могут служить и напечатанные в ВДИ статьи, появившиеся в связи с дискуссией о непосредственных производителях древнего общества; статьи по античной технике в разные периоды, по государственному устройству, судопроизводству и праву, образованию и, конечно, по культуре. Необходимо также, чтобы журнал информировал своих читателей о дискуссиях, проводящихся по узловым вопросам древней истории, и, хотя бы в самых общих чертах, о новых важнейших открытиях советских и зарубежных археологов. Такие работы принесли бы значительно более пользы как специалистам-историкам вообще, так и преподавателям древней истории и их ученикам, чем более или менее подробные, сокращенные или дополненные пересказы отдельных разделов общих курсов, каким пока является большинство статей, напечатанных в журнале за рассматриваемый период.

Редакции журнала следует уделить больше внимания древней истории, тщательнее продумать тематический план и расширить состав привлекаемых ею авторов.

В заключение надо отметить, что недопустимо мало уделялось в журнале внимания истории древнего Востока. За весь рассматриваемый период древневосточной тематике были посвящены только небольшая заметка И. С. Кацнельсона «Жан Франсуа Шампольон и дешифровка египетских иероглифов» (1948, № 2, стр. 83—86) и статья В. В. Шлеева «Урарту — древнейшее государство на территории СССР» (1949, № 3, стр. 71—73). Хотя тематический план на 1955 г. и предусматривает еще две статьи по древнему Востоку о древней Персии и о древней Индии, но этого явно недостаточно.

Е. М. Штаерман